

САГА О ВИДЯЩИХ
Ученик убийцы
Королевский убийца
Странствия убийцы

САГА О ЖИВЫХ КОРАБЛЯХ
Волшебный корабль
Безумный корабль
Корабль судьбы

САГА О ШУТЕ И УБИЙЦЕ
Миссия шута
Золотой шут
Судьба шута

ХРОНИКИ ДОЖДЕВЫХ ЧАЩОБ
Хранитель драконов
Драконья гавань
Город драконов
Кровь драконов

САГА О ФИТЦЕ И ШУТЕ
Убийца шута
Странствия шута
Судьба убийцы

СЫН СОЛДАТА
Дорога шамана
Лесной маг
Магия отступника

РОБИН ХОББ

СЫН СОЛДАТА

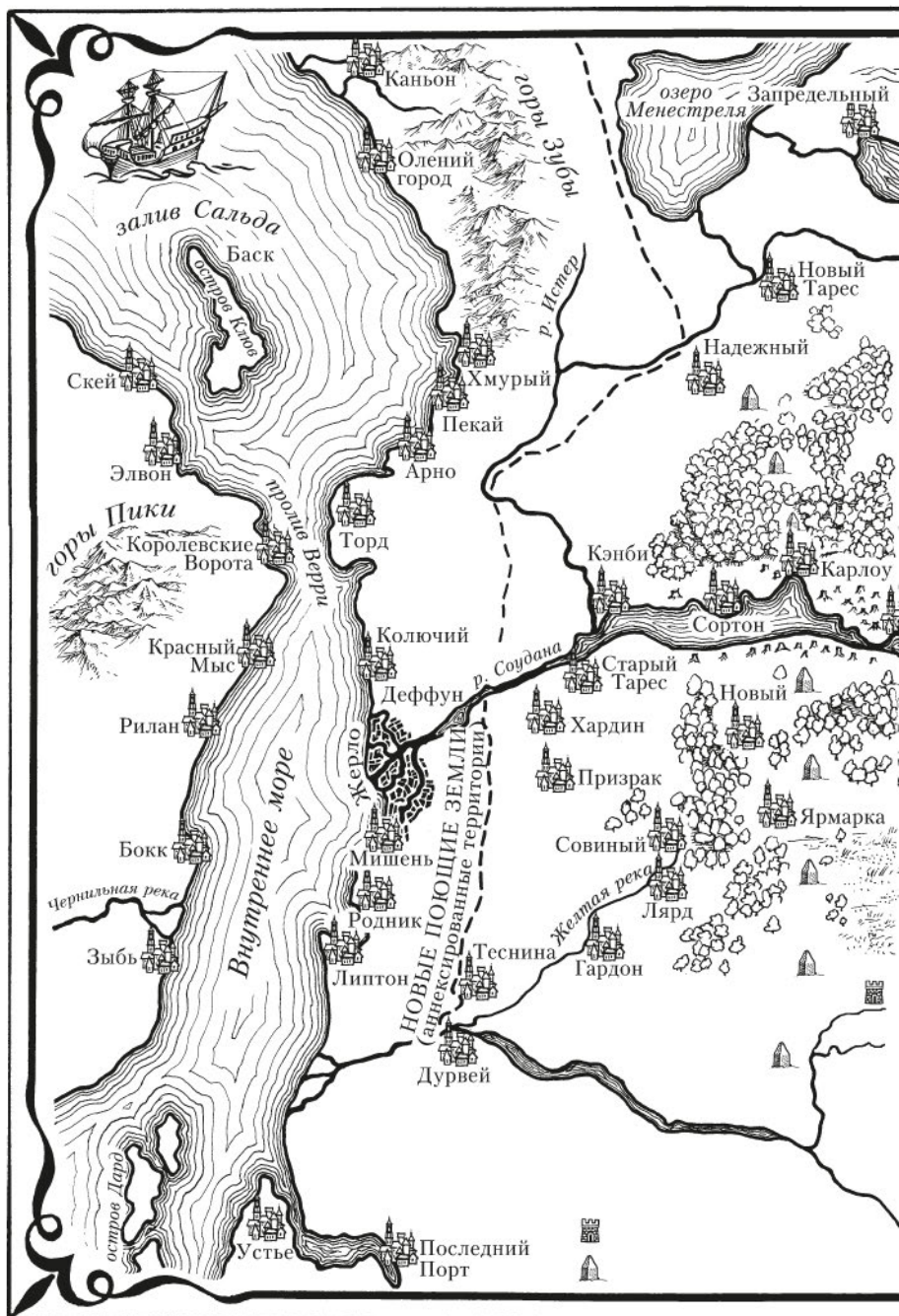

МАГИЯ ОТСТУПНИКА

Санкт-Петербург

Я был глупцом, полагая, что у меня всегда будет возможность сделаться лучше. Всем известно, что жизнь человека способна оборваться в любой момент. Падение с лестницы, простуда или лихорадка, шальная пуля — от подобных вещей молодость не защитит. Человек может погибнуть по чистой случайности когда угодно. Наверное, какой-то частью сознания я знал об этом всегда, но не мог поверить всем сердцем.

ГЛУХИЕ
ХОЛМЫ

НИЧЕЙНЫЕ ЗЕМЛИ

озеро
Собел

Рубеж

форт
Собел

Глушь

Озерный
Страж

озеро
Мендес

Торжище

СРЕДНИЕ ЗЕМЛИ

Крепость

Кантановая
завпула

Широкая
Долина

Менди

Глухомань

р. Тезфа

Излучина
Франнера

Дротик

Геттис

Рубежные горы

Сухое море

Затерянный
Источник

Южная застава

Южный Источник

Красная
пустыня

Горький Источник

Пестрые холмы

БУТРИСТЫЕ ЗЕМЛИ

Глава 1

ГИБЕЛЬ СОЛДАТА

На суде я не произнес ни слова в свою защиту. Я стоял за загородкой, куда меня привели, и пытался не думать о мучительно стиснувших лодыжки кандалах. Они были слишком тесны для столь крупного человека, как я, и холодное железо вгрызалось в мою плоть, одновременно обжигая ее и заставляя неметь. В те минуты боль значила для меня больше, чем исход трибунала. Я уже знал, каким он будет.

Боль — это самое главное, что я помню о том заседании. Она заволокла мои мысли багровым туманом. Свидетели один за другим выступали против меня. Я так и не забыл их полные праведного гнева голоса, в подробностях описывающие судьям мои преступления. Изнасилование. Убийство. Некрофилия. Осквернение могил. Мои ярость и ужас от подобных обвинений меркли перед полной безысходностью положения. Свидетель за свидетелем вносили свою лепту в список обвинений. Нити слухов, домыслов уже покойного человека, подозрений и косвенных улик сплелись в веревку доказательств, достаточно прочную, чтобы вздернуть меня на ней.

Я догадываюсь, почему Спинк не задал мне ни единого вопроса. Лейтенант Спинрек, мой друг со времен обучения в Академии каваллы, был назначен моим защитником. Я сказал ему, что хотел бы просто признать себя виновным и покончить с этим. Он изрядно рассердился. Возможно, именно поэтому он не попросил меня свидетельствовать в собственную защиту. Он не был уверен, что я скажу правду и стану отрицать обвинения. Боялся, что я выберу более простой путь.

Так бы и случилось.

Я не страшился виселицы. Быстрый конец для жизни, исковерканной чуждой магией. Подняться по ступеням, подставить

шею под веревку и шагнуть в темноту. Моя голова, вероятно, попросту оторвалась бы под тяжестью тела. Я мог не бояться, что буду долго задыхаться в петле, суча ногами. Меня ждал лишь легкий выход из положения, слишком запутанного и испорченного, чтобы пытаться его поправить.

Что бы я ни сказал в собственную защиту, мои слова ничего бы не изменили. Были совершены ужасные злодеяния, и население Геттиса твердо вознамерилось заставить кого-то за них заплатить. Геттис — суровое место, наполовину военный форт, наполовину исправительная колония на восточной границе Гернийского королевства. Для его жителей убийства и изнасилования не были чем-то непривычным, но преступления, в которых меня обвинили, выходили и за здешние рамки — слишком темные и грязные дела, чтобы их могли стерпеть даже в этом городе. Кто-то должен был примерить маску злодея и заплатить за грехи полной мерой — а кто лучше подходит на подобную роль, чем одинокий толстяк с кладбища, по слухам связанный со спеками?

И я был признан виновным. Офицеры каваллы, заседавшие в суде, приговорили меня к повешению, и я принял их решение. Я опозорил свой полк. В тот миг казнь казалась мне самым простым спасением от жизни, обернувшейся полной противоположностью всем моим мечтам. Я умру, и с разочарованиями и неудачами будет покончено. Слушая решение суда, я испытывал едва ли не облегчение.

Но магия, отравившая мне жизнь, не собиралась так легко меня отпускать.

Обвинителям оказалось недостаточно меня казнить. Зло должно понести самое жестокое наказание, какое они только могут вообразить. Тьма будет уравновешена тьмой. Когда прозвучала вторая часть приговора, ужас сковал меня. Прежде чем взойти на виселицу для последнего падения, я получу тысячу плетей.

Я никогда не забуду этого ошеломляющего мига. Приговор оказался больше чем казнью, больше чем наказанием — полным уничтожением. Вместе с плотью, сорванной с моих костей, я лишусь и чувства собственного достоинства. Ни один человек, как бы храбр он ни был, не сможет сжать зубы и молча вытерпеть тысячу ударов плетью. Зеваки будут потешаться и высмеивать меня, вопящего и умоляющего о снисхождении. Я умру, полный ненависти к ним и к себе.

Я был рожден, чтобы стать солдатом. Добрый бог предназначил мне, как второму сыну аристократа, посвятить жизнь военной службе. Несмотря на выпавшие на мою долю несчастья, несмотря на чуждую магию, заразившую и отравившую меня, несмотря на отчисление из Академии каваллы, презрение отрекшегося от меня отца и насмешки товарищей, я сделал все возможное, чтобы служить своему королю как солдат. И вот чего я этим добился. Я буду вопить, рыдать и молить о пощаде людей, полагающих меня чудовищем. Плеть обнажит мое тело, лишив и одежды, и плоти, выставив на всеобщее обозрение обвисшие слои жира — первую из причин их ненависти. Я потеряю сознание, но меня приведут в чувство, обрызгав спину уксусом. Я обмочусь и беспомощно обмякну на скованных руках. Я стану трупом задолго до того, как они вздернут мои останки. Они это знали — и я тоже.

Даже моя исковерканная, жалкая жизнь казалась лучше подобной смерти. Магия пыталась отделить меня от моего народа и обратить в орудие против него. Я противился ей. Но в ту последнюю ночь в камере я понял, что магия спеков предлагает мне единственную возможность спастись. Когда магия взломала стены моей тюрьмы, я воспользовался этим. Я бежал.

Но ни она, ни добрые люди Геттиса со мной еще не покончили. Думаю, магия знала, что я был готов ей подчиниться лишь на словах. Но она требовала меня целиком, всю мою жизнь, без единой сохранившейся связи с этим местом и этим народом. И то, что я никогда не отдал бы ей добровольно, она отняла у меня силой.

Во время бегства я встретился с возвращающимся в форт отрядом каваллы. Я знал, что отнюдь не мое невезение поставило во главе его капитана Тайера. Это магия отдала меня в руки человека, над чьей покойной женой я якобы надругался. Дальнейшее было предсказуемо. Усталые, раздраженные люди, возглавляемые им, в считанные мгновения превратились в обезумевшую толпу. Они растерзали меня прямо на улице: его солдаты держали меня, пока он бил. Жажда справедливости и мести была утолена в предрасветные часы на пыльной улице Геттиса. Затем насытившиеся жестокостью люди разошлись по домам. Они ни с кем не обсуждали того, что совершили.

А за час до того, как над Геттисом забрезжил рассвет, мертвец бежал из города.

Глава 2

БЕГСТВО

Огромные копыта моего крупного жеребца выстукивали ровный ритм. Когда мы миновали последние дома городка, раскинувшегося вокруг королевского форта Геттис, я оглянулся через плечо. В городе было тихо и спокойно. Огонь, охвативший стены тюрьмы, угас, лишь темные пятна дыма все еще пятнали сереющее небо. Люди, всю ночь сражавшиеся с последствиями устроенной Эпини диверсии, теперь, должно быть, плелись по домам, к своим теплым постелям. Я мрачно уставился на дорогу прямо перед собой. Геттис так и не стал мне домом, но покинуть его оказалось не просто.

Впереди над вершинами гор забрезжил свет. Скоро взойдет солнце. Лучше добраться до спасительного леса, пока люди не начали просыпаться. Сегодня некоторые встанут пораньше, чтобы занять лучшие места для наблюдения за моей поркой и казнью. Мои губы искривились в усмешке, когда я представил, как они будут разочарованы известием о моей смерти.

Королевский тракт, дерзкий замысел Тровена, короля Гернии, развернулся передо мной — пыльный, разбитый, изрытый выбоинами, но прямой как стрела. Я двинулся по нему. Он вел на восток, строго на восток. По замыслу короля он должен был пересечь Рубежные горы и протянуться дальше, до самых берегов далекого моря, став главной торговой артерией для запертой на суше Гернии. На деле же он заканчивался в нескольких милях за Геттисом, обрываясь на краю долины, где росли деревья — предки спеков. Годами местные жители магией насылали на дорожных рабочих страх и уныние, чтобы остановить продвижение тракта. Их заклятия несли в себе то смертельный ужас, превращавший людей в скулящих трусов, то глубочайшее отчаяние, иссушающее волю.

Там, где тракт заканчивался, меня ждал лес.

Впереди на дороге я увидел то, чего так страшился. Ко мне медленно, устало приближался всадник. Его выправка в не меньшей степени, чем ладная зеленая форма, говорила о принадлежности к королевской кавалле. Откуда он едет? И почему в одиночестве? Убить его или оставить в живых? Приблизившись, я разглядел лихо заломленную шляпу и ярко-желтый шейный платок, выдававшие в незнакомце разведчика. Я слегка расслабился. Он мог и не знать о выдвинутых против меня обвинениях и трибунале. Разведчики зачастую неделями отсутствовали в городе. Он не выказал ко мне никакого интереса, а когда я проезжал мимо, даже не поднял руки в приветствии.

Разминувшись с ним, я ощутил укол горького сожаления. Если бы не магия, на его месте мог оказаться я. Я помнил Тайбера по Академии каваллы, но он меня не узнал. Магия изменила меня, ничего не оставив от стройного, подтянутого кадета. Жирный, неопрятный рядовой, взгромоздившийся на ломовую лошадь, не стоил его внимания. Пройдет несколько часов, прежде чем он таким шагом доберется до города и услышит, что меня прикончила разъяренная толпа. Может быть, он решит, что встретил призрака...

Утес упорным галопом двигался вперед. От тяжеловоза-полукровки никто не стал бы ждать ни скорости, ни выносливости, но он был достаточно крупным — единственно возможным конем для человека моего роста и веса. Неожиданно я осознал, что еду на нем верхом в последний раз: я не мог взять его с собой в лес. Боль снова пронзила меня: вот еще одно близкое мне существо, которое мне придется оставить. Он уже ступал тяжело, наше безумное бегство из ночного Геттиса измотало его.

Далеко за окраинами городка от Королевского тракта ответвлялась дорога к кладбищу. Приблизившись к ней, Утес замедлил шаг, и я неожиданно изменил первоначальный план. В конце дороги стояла хижина, которую я весь прошлый год называл домом. Осталось ли там что-нибудь, что я захочу взять с собой в новую жизнь? Спинк забрал к себе домой мой дневник сына-солдата. Я был ему за это благодарен. Дневник хранил подробный рассказ о том, как магия вошла в мою жизнь и постепенно отобрала ее у меня. Но, помимо него, в хижине могли остаться письма или бумаги, способные соотнести мое имя с прошлым и семьей, от кото-

рых я отказался. Я не хотел, чтобы меня что-либо связывало с лордом Бурвилем; пусть моя смерть опозорит лишь меня одного.

Начав взбираться по склону холма, Утес перешел на тяжеловесную рысь. Я был здесь в прошлый раз лишь пару недель назад, но мне казалось, будто минули годы. Трава пробивалась на могилах, вырытых для жертв летней чумы. Траншеи же все еще оставались голыми — их копали позже, когда чума вошла в полную силу и мы, могильщики, едва справлялись с постоянно прибывающими телами. Эти шрамы заживут последними.

Я придержал Утеса у самой хижины, осторожно спешил, но почувствовал лишь легкую боль, хотя только вчера кандалы вгрызались в мои сухожилия. Магия исцеляла меня с головокружительной быстротой. Мой конь фыркнул, встряхнулся и отошел на несколько шагов, прежде чем начать щипать траву. Я же поспешил к двери в дом — сейчас я быстро уничтожу все следы своего пребывания здесь и продолжу путь.

Ставни на окнах были закрыты. Войдя внутрь, я захлопнул за собой дверь — и невольно отпрянул, когда на моей кровати сел Кеси. Мой товарищ по рытью могил спал в вязаном ночном колпаке, чтобы не мерзла лысая голова. Он протер глаза и уставился на меня, разинув рот так, что стали видны дырки на месте выпавших зубов.

— Невар? — ахнул он, не веря своим глазам. — Я думал, тебя... — Он осекся, видимо осознав, насколько неуместно мое присутствие в собственном жилище.

— ...сегодня повесят, — закончил я за него. — Да. Многие так думали.

Он ошеломленно смотрел на меня, но продолжал сидеть на постели. Я решил, что он не представляет для меня угрозы. Почти весь год, пока все не пошло наперекосяк, мы оставались с ним в приятельских отношениях. Я надеялся, он не сочтет, что обязан помешать моему бегству. Я спокойно прошел мимо него к полке, где хранил личные вещи. Как и обещал Спинк, мой дневник сына-солдата исчез. Меня окатила волна облегчения. Эпини и Спинк лучше разберутся, как распорядиться этими обличающими записями. Я провел рукой по полке, удостоверившись, что не пропустил ни письма, ни какого-нибудь обрывка бумаги. Ничего. Но зато

там нашлась свернутая праща. Я положил ее в карман. Она могла мне пригодиться.

Ветхое ружье, выданное мне, когда я прибыл в Геттис, по-прежнему покоилось в стойке. Видавшее виды, со щербатым стволом, оно никогда не было особенно надежным. Но даже окажись оно исправно, оно довольно скоро станет бесполезным — когда у меня закончится скудный запас пороха и пуль. Придется оставить. Другое дело сабля. Она все так же висела на крюке, спрятанная в ножны.

— Что произошло? — вдруг спросил Кеси, когда я уже потянулся за ней.

— Это длинная история. Ты уверен, что хочешь знать?

— Ясное дело! Я думал, тебя сегодня собираются исполосовать в клочья, а потом повесить!

Я невольно ухмыльнулся:

— А ты даже не соизволил проснуться пораньше, чтобы поглядеть на казнь. Хорош друг!

Он неуверенно улыбнулся в ответ. Не слишком приятное зрелище, но меня оно порадовало.

— Я не хотел этого видеть, Невар. Просто не мог. Хватит с меня и того, что новый командующий приказал мне жить здесь, приглядывая за кладбищем, поскольку тебя арестовали. Хуже только смотреть, как умирает твой друг, и понимать, что ты и сам, возможно,дохнешь тут же. Все здешние кладбищенские сторожа плохо заканчивали. Но как тебе удалось выкрутиться? Не понимаю.

— Я сбежал, Кеси. Меня освободила магия спеков. Корни дерева взломали стены тюрьмы, и я выполз в пролом. Я почти выбрался из Геттиса. Я прорвался через ворота форта. Думал уже, что освободился. И тут встретил отряд солдат, возвращавшийся от конца дороги. Знаешь, кто им командовал? Капитан Тайер собственной персоной.

Глаза Кеси от потрясения сделались похожи на два блюдца.

— Но ведь это его жену... — начал было он, и я кивнул:

— Тело Карсины нашли в моей постели. Знаешь, если бы не это, судьи могли бы счесть, что моя связь с гибелью Фалы бездоказательна. Но тела Карсины в моей постели оказалось более

чем достаточно. Вряд ли хоть один из них предполагал, что я пытаюсь ее спасти. Ведь ты же знаешь, что я не делал ничего подобного, Кеси?

Он облизнул губы. Похоже, его одолевали сомнения.

— Я не хотел верить в то, что про тебя говорили, Невар. Ничто из этого не вязалось с тем, что мы с Эбруксом про тебя знали. Ты, конечно, толстяк и нелюдим и едва ли хоть раз пропустил с нами по стаканчику, и мы видели, как ты скатываешься к жизни спеков. Ты не оказался бы первым, кто ушел к местным. Но мы никогда не замечали в тебе подлости, и жестоким ты не был. Про свою военную службу, похоже, ты говорил искренне. И никто прежде не трудился здесь столь усердно. Но кто-то же сотворил все это, а ты был как раз там, где все происходило. Остальные казались такими уверенными. И я чувствовал себя дураком из-за того, что думаю иначе. А на суде, когда я попытался сказать, что ты всегда казался мне славным малым, Эбрукс толкнул меня и велел заткнуться. Мол, защищая тебя, я только нарвусь на неприятности сам, а тебе ничем помочь не смогу. Поэтому я промолчал. Прости, Невар. Ты заслужил большего.

Я стиснул зубы, а затем выдохнул, избавляясь от вспыхнувшего вдруг гнева.

— Все хорошо, Кеси. Эбрукс был прав. Ты не мог мне помочь.

Я потянулся к сабле, но, когда моя ладонь уже почти коснулась рукояти, ощутил странное покалывание. Неприятное предостережение — как если бы я положил ее на пчелиный улей и услышал внутри воинственное гудение. Я озадаченно отдернул руку и вытер ее о рубашку.

— Но ты сбежал, так? Значит, то, что я промолчал, тебе не навредило, верно? И я не собираюсь останавливать тебя сейчас. Я даже никому не скажу, что ты здесь проезжал.

В его голосе прозвучала нотка страха, полоснувшая меня по сердцу. Я встретился с ним взглядом:

— Я же уже сказал, Кеси, все хорошо. Никто не спросит тебя, проезжал ли я здесь, потому что по пути из города я встретил капитана Тайера и его людей. И они меня убили.

Он уставился на меня:

— Что? Но ты же...

Я быстро шагнул вперед. Он отпрянул от моего прикосновения, но я прижал ладонь к его лбу и заговорил, вкладывая в слова душу. Я хотел его защитить, и другого пути не было.

— Тебе снится сон, Кеси. Всего лишь сон. Ты услышишь о моей гибели, когда в следующий раз поедешь в город. Капитан Тайер поймал меня при побеге и собственноручно забил до смерти. Его жена отмщена. При свидетелях. Все кончено. Эбрукс там был. Возможно, он даже расскажет тебе об этом. Он забрал мое тело и тайно похоронил его. Он сделал для меня все, что смог. А тебе — тебе просто приснился сон, что я сбежал. Он тебя утешил. Ведь ты знаешь, что, если бы мог мне помочь, обязательно помог бы. Ты не виноват в моей смерти. Все это тебе просто снится. Ты спишь и видишь сон.

Договорив, я осторожно подтолкнул Кеси, укладывая его в постель. Он опустил веки и приоткрыл рот, глубокое ровное дыхание наполнило его грудь. Кеси уснул. Я тяжело вздохнул. Он разделяет ложные воспоминания с толпой, окружившей меня на улице города. Даже мой лучший друг Спинк запомнит, что меня забили до смерти, а он не сумел это остановить. Эмзил, единственная женщина, полюбившая меня, несмотря на уродливое жирное тело, будет считать так же. Они расскажут об этом дома моей кузине Эпини, и она им поверит. Я надеялся, что они не станут слишком долго и горько по мне скорбеть. На мгновение я задумался, как они сообщат эту новость моей сестре и расстроит ли она отца. Затем решительно отгнал мысли о прежней жизни. Она уже позади, и с ней покончено.

Когда-то я был высоким и сильным, сыном-солдатом знатного человека, и меня ждало блестящее будущее. Все в моей судьбе было решено заранее. Я закончу Академию, вступлю в ряды каваллы в офицерском чине, отличусь на службе королю, женюсь на прелестной Карсине, проживу жизнь, полную приключений и доблести, пока наконец не выйду в отставку и поселюсь в поместье брата, где достойно встречу старость. Если бы в меня не проникла магия спеков, так бы все и случилось.

Кеси всхрипнул и перекатился на бок. Я вздохнул. Пора уезжать. Как только новость о моей смерти распространится, кто-нибудь придет сюда, чтобы сообщить ему. Я не хотел больше тратить магию — меня уже терзал вызываемый этим голод. Стоило

мне вспомнить о нем, как мой желудок отчаянно заурчал. Я то-ропливо обшарил шкафы в поисках съестного, но вся найденная еда оказалась мне засохшей, старой и непривлекательной. Я жаждал сладких ягод, согретых солнцем, сытных землистых грибов, пряных листьев водяного растения, которыми Оликея кормила меня в последнюю нашу встречу, и нежных хрустящих корней. Взамен я мрачно взял с полки пару круглых галет, преодолевая отвращение, откусил большой кусок и снова потянулся к сабле. Пришло время убираться отсюда.

Клинок ожег меня, а когда я выпустил рукоять, едва не выпрыгнул из моей ладони, словно какая-то сила оттолкнула его, и с лязгом упал. Я подавился сухим крошечком и осел на пол, задыхаясь и сжимая пострадавшую кисть. Когда я взглянул на ладонь, она была красной, словно я схватил пучок крапивы. Я потряс рукой и вытер ее о штаны, пытаюсь избавиться от неприятного ощущения. Оно не прошло. И тут я понял.

Я отдал себя магии. Холодное железо больше не было мне покорно.

Я медленно поднялся и попятился от упавшей сабли и правды, которую упрямо не желал признавать. Сердце молотом стучало у меня в груди. Я войду в лес безоружным. Железо и все, что им порождалось, ушли из моей жизни. Я помотал головой, словно отряхивающаяся от воды собака. Не стоит думать об этом прямо сейчас. Я не мог в полной мере осознать значение происшедшего, а в тот миг еще и не хотел осознавать.

Я окинул хижину прощальным взглядом, запоздало поняв, что мне нравилось жить здесь в одиночестве, делая все по-своему. Никогда в жизни у меня не было подобной свободы. Из отцовского дома я отправился прямо в Академию, затем вернулся в его владения. Только здесь я был сам себе хозяином. Покинув этот дом, я стану не свободным человеком, а рабом чуждой магии, непонятной и нежеланной.

Но останусь в живых. И те, кого я люблю, будут жить дальше. Когда меня схватила толпа, мне привиделось куда более страшное будущее, в котором оставалось только надеяться, что Эмзил не умрет, изнасилованная толпой, а Спинк выживет, когда его солдаты обернутся против него. Моя собственная смерть меркла в сравнении с этим. Нет, то, что я выбрал, — лучше для всех нас. Теперь

же мне следовало идти дальше, пытаясь сохранить остатки порядочности. Жалея, что войду в новую жизнь с пустыми руками, я с тоской посмотрел на свои нож и топор. Нет. Железо мне больше не товарищ. Но свое зимнее одеяло, лежащее на полке, я возьму. В последний раз оглядев хижину, я вышел и плотно прикрыл за собой дверь, провожаемый могучим храпом Кеси.

Когда я вышел, Утес поднял голову и с укором посмотрел на меня. Почему я не распряг его, чтобы он мог спокойно попасться? Я глянул на солнце и решил оставить коня здесь. Казалось вполне возможным, что он сам вернется в стойло, лишившись в Геттисе седока. Я не мог снять с него сбрую, иначе кто-нибудь обязательно задумается, кто это сделал. Я надеялся, что, кто бы ни забрал Утеса себе, он будет хорошо с ним обращаться.

— Оставайся здесь, дружище. Кеси за тобой присмотрит. Или еще кто-нибудь.

Я похлопал его по шее и оставил у хижины, а сам двинулся через кладбище, которое так хорошо знал. Я миновал изрубленные остатки моей живой изгороди и вздрогнул, вспомнив, какой я видел ее в последний раз — заваленной дергающимися и извивающимися телами, в которые в поисках пищи вонзались мелкие корешки. На мгновение я вновь окунулся в ту ночь, озаренную светом факелов.

Случалось, хоть и нечасто, что люди, умершие от чумы спеков, становились так называемыми ходоками. Один из врачей в Геттисе считал, что они впадают в подобное смерти оцепенение, а через несколько часов приходят в себя в последней попытке выжить. Удастся это немногим. Другой врач, суеверный почитатель потусторонних сил, восхищавших нашу королеву, полагал, что ходоки — не люди, вернувшиеся из-за порога смерти, а лишь их тела, оживленные магией, чтобы доставить какие-то послания живым. Поскольку я и сам некогда побывал ходоком, я имел на сей счет собственное мнение. В тот год, что я провел в Королевской Академии каваллы, я, как и многие мои товарищи, заразился чумой спеков. «Умерев», я оказался в спекском мире духов. Там я сразился со своим другим «я» и древесным стражем и, победив их, вернулся к жизни.

Моя бывшая невеста Карсина тоже стала ходоком. В последнюю ночь, которую я провел кладбищенским сторожем, она вы-

бралась из гроба и пришла ко мне просить прощения, чтобы обрести покой. Я хотел спасти ее и выскочил из хижины, собираясь отправиться в город за помощью. Но моим глазам предстало невообразимое зрелище: другие жертвы чумы тоже восстали из гробов и двинулись к деревьям, которые я по неосторожности посадил. Я знал, что это каэмбра, тот же самый вид, какой спеки называют деревьями предков. Я понял это, когда жерди начали прорастать листьями. Как я мог не осознать опасности? Не магия ли ослепила меня?

Каждый ходок выбрал дерево, сел около него, прислонившись спиной к стволу, и принялся кричать от мучительной боли, когда голодные корешки вонзились в его плоть. Я никогда не забуду того, что увидел той ночью. Один мальчик отчаянно плакал, а его голова, руки и ноги судорожно подергивались, пока дерево, пожирая его тело, привязывало его к стволу. Я ничего не смог для него сделать. Еще больше меня потряс вид женщины, молившей о помощи и протягивавшей ко мне руки. Я схватил их и попытался оторвать ее от дерева, уберечь не от смерти, но от продления жизни, невозможного для гернийской души.

Я не смог ее спасти.

Я прекрасно помнил дерево, которое захватило ее в плен и вонзило в спину корни, — эти корни сплетаются в сеть внутри тела, питая молодой побег не только его соками, но и душой. Именно так спеки создавали деревья предков. Те, кого магия сочла достойным, получали в награду такое дерево.

Проходя мимо того пня, я заметил, что он уже выбросил новый побег. На соседнем сидел стервятник с красной бородкой и внимательно наблюдал за мной. Он расправил крылья и вскинул уродливую голову. Его бородка затряслась, когда он разразился обвиняющим карканьем. Меня передернуло. Стервятники считались символом Орандулы, древнего бога смерти и равновесия. Мне совершенно не хотелось еще раз с ним встречаться. Сбежав от птицы, я заметил, что Утес идет за мной. Ничего, скоро он повернет обратно. Я вошел в лес и почувствовал, что он принял меня. Словно за спиной с шелестом опустился занавес, знаменуя, что первый акт моей жизни подошел к концу.

Эту часть леса составляла молодая поросль, поднявшаяся после пожара. Время от времени я проходил мимо почерневших

пней, заросших мхом и папоротником, или сквозь тень обгоревшего великана, сумевшего выжить в огне. Кусты и полевые цветы купались в солнечных лучах, просачивающихся сквозь листву. Птицы пели и перепархивали с ветки на ветку. Сладкие ароматы леса окутали меня, и напряжение начало отступать. Некоторое время я шел, ни о чем не думая и прислушиваясь к тяжелым шагам так и не отставшего Утеса.

Стоял приятный летний день. Я прошел мимо двух белых бабочек, танцующих над маленькой полянкой полевых цветов, и оказался на небольшой прогалине, где наперегонки тянулись к солнцу колючие ветки ежевики. Я остановился собрать полную пригоршню сочных черных ягод. Они лопались в пальцах и пачкали мне ладони, когда я их срывал. Я отправил их в рот, наслаждаясь сладостью вкуса и аромата, и с немалым удовольствием разжевал крохотные семена. Подобные ягоды могли приглушить мой голод, но не утолить его. Нет. Теперь, когда магия обрела власть над моим телом и кровью, я начал жаждать пищи, способной питать ее. И сейчас я томился именно по ней. Оставив за спиной прогалину, я заторопился вверх по склону холма.

С ошеломляющей неожиданностью выгоревший лес сменила древняя чаща. Я задержался на границе, среди молодых деревьев и пятен солнечного света, и посмотрел в ее темную пещеру. Крыша из переплетенных ветвей, ряды мощных колонн-стволов, теряющихся из виду в сумрачной дали. Густая листва впитывала солнечный свет, не допуская его вниз. Подлеска почти не было, землю устилал лишь толстый мох, испятнанный словно бы случайным узором из звериных следов.

Я вздохнул и оглянулся на крупного коня.

— Здесь мы с тобой расстанемся, дружище, — сообщил я Утесу. — Возвращайся на кладбище.

Он посмотрел на меня со смесью любопытства и досады.

— Иди домой, — велел я ему.

Он дернул ушами и махнул неровно подстриженным хвостом. Я вздохнул снова. Довольно скоро он все поймет. Я повернулся и пошел от него прочь.

Он еще недолгое время следовал за мной, но я не оглянулся и не заговорил с ним. Это оказалось труднее, чем я себе представлял, и я старался не прислушиваться к глухому топоту его копыт.

Он вернется туда, где растет хорошая трава, Кеси подберет его, чтобы запрягать в телегу и возить трупы. У него все будет хорошо. Лучше, чем у меня. По крайней мере, он знает, чего от него ожидает мир.

В этой части леса не было тропинок, проторенных людьми. Я будто бы шел по чужому жилищу: по полам, выстланным густой зеленью ковров, под ажурной мозаикой свода, поддерживаемого могучими деревянными колоннами. Я казался крошечной статуэткой в доме великана, слишком маленьким, чтобы иметь хоть какое-то значение. Даже безмолвия было достаточно, чтобы заглушить мое существование.

Но пока я шагал вперед, безмолвие открылось мне с иной стороны. Человеческих голосов здесь не раздавалось, однако не было и тишины. Я слышал птиц, порхающих и перекликающихся у меня над головой. Слышал предупредительную дробь и топоток испуганного зайца. Олень покосился на меня круглым глазом и насторожил уши, когда я проходил мимо, и до меня донеслось его тихое пофыркивание.

Под пологом леса было тепло и влажно. Я остановился расстегнуть мундир и пару верхних пуговиц на рубашке, а вскоре уже шагал, забросив куртку за плечо. Эмзил сшила для меня зеленую форму каваллы из нескольких старых, чтобы я мог втиснуть в нее свое огромное тело. Одной из сложностей, сопроводивших навязанный магией жир, стала неудобно сидящая одежда. Брюки приходилось застегивать под животом, а не на талии, воротники, манжеты и рукава врезались в тело, носки растягивались, сползали и быстро протирались под моим невообразимым весом. Даже сапоги и ботинки доставляли мне неприятности. Мое тело увеличилось в размерах везде — с головы до пят. Впрочем, сейчас одежда слегка болталась на мне. Прошлой ночью я использовал много магии и, соответственно, похудел. На миг я задумался, не стоит ли мне раздеться и идти дальше нагим, как спек, но цивилизация осталась не настолько далеко у меня за спиной.

Мой путь лежал вверх по склонам пологих холмов. Впереди маячили густо заросшие лесом Рубежные горы и скитающиеся по ним неуловимые спеки. Мне сообщили, что они раньше обычного ушли в зимние селения высоко в горах. Я буду искать их там. Это не только моя последняя надежда на убежище. Магия приказала

мне идти к ним. Я противился ей, но безуспешно. И теперь мне предстоит выяснить, чего же она от меня хочет. Найдется ли способ удовлетворить ее, способ вновь обрести свободу и жить той жизнью, которую я выберу сам? Я сомневался в этом, но собирался выяснить наверняка.

Я заразился магией в пятнадцать лет. До того я был, наверное, хорошим сыном: послушным, усердным и учтивым. Но отец, без моего ведома, искал во мне искру неповиновения и настойчивости в выборе собственного пути — качеств, присущих, по его мнению, хорошему офицеру. Он решил поставить меня в такое положение, чтобы я непременно воспротивился чужой власти надо мной, и доверил меня варвару из равнинного племени кидона, «уважаемому врагу» с тех времен, когда королевская кавалла сражалась с прежним населением Средних земель. Отец сказал мне, что Девара научит меня способам выживания и воинским искусствам, принятым в племени кидона. Но тот издевался надо мной, морил голодом, порезал ухо, а затем, как раз когда я собрался с духом, чтобы воспротивиться ему — и вместе с ним собственному отцу, — попытался подружиться со мной. Оглядываясь назад, я каждый раз удивляюсь тому, что он проделал с моей способностью рассуждать здраво. Лишь недавно я начал замечать нечто общее между тем, как Девара сломал меня и привел в свой мир, и порядками в Академии, где новых кадетов изводили и перегружали работой, чтобы перекроить по армейскому лекалу. Под конец Девара попытался посвятить меня в магию кидона. Он одновременно преуспел и потерпел поражение.

Я вошел в мир духов кидона, чтобы сразиться с их древним врагом. Но древесный страж захватил меня в плен и заявил на меня права, и с этого дня магия овладевала моей жизнью. Она тащила и подстегивала меня, пока не привела на границу. В Геттисе я предпринял последнюю попытку освободиться. Я вступил в армию под именем Невара Бурва и принял единственный предложенный мне пост — кладбищенского сторожа. Я старался от души и делал все возможное, чтобы наших мертвецов хоронили с почтением и не тревожили их покой. Я словно обрел новую жизнь; Эбрукс и Кеси стали мне приятелями, а Спинк, муж моей кузины и лучший друг еще со времен Академии, снова оказался рядом. В Геттисе переехала Эмзил, и я осмеливался надеяться, что она не-

равнодушна ко мне. Я добился того, что начал что-то из себя представлять, и даже подумывал о том, чтобы предоставить сестре убежище от самодурства отца.

Но подобная жизнь не шла на пользу планам магии на мой счет, а магия, как предупреждал меня некогда разведчик Хитч, не смиряется с тем, что идет вразрез с ее замыслом. Его жизнь она разрушила, чтобы сделать своим слугой. Я знал, что должен буду умереть или покориться ей. Перед смертью Хитч во всем мне признался. По приказу магии он убил Фалу, одну из шлюх, работавших у Сарлы Моггам, и оставил улики, указывающие на меня. Он сделал это, хотя был мне другом и во всем прочем честным человеком. Я до сих пор не мог представить себе Хитча душащим Фалу, не говоря уже о столь подлом предательстве. Но он это сделал.

Я не хотел выяснять, что магия заставит меня сделать, если я продолжу ей противиться.

Содержание

Глава 1. Гибель солдата	9
Глава 2. Бегство	12
Глава 3. Лисана	25
Глава 4. Работа мага	44
Глава 5. Другая сторона	56
Глава 6. Противостояния	80
Глава 7. Ультиматум Эпини	96
Глава 8. Быстроход	119
Глава 9. Путь во тьме	137
Глава 10. Странствие по снам	155
Глава 11. Зимовье	169
Глава 12. Товары на обмен	192
Глава 13. Запасание	209
Глава 14. Ярмарка	222
Глава 15. Приглашение	246
Глава 16. Кинроув	261
Глава 17. Предательство	282
Глава 18. Запертый	302
Глава 19. Призыв	342
Глава 20. Предупреждение	365
Глава 21. Резня	384
Глава 22. Отступление	401
Глава 23. Известия	426
Глава 24. Намерения	455
Глава 25. Решения	472

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 26. Танец	498
Глава 27. Дерево	524
Глава 28. Появление	538
Глава 29. Поиски мертвеца	556
Глава 30. Воссоединение	574
Глава 31. Жизни в равновесии	594
Глава 32. Решения и последствия	611
Глава 33. Лицом к лицу	624
Глава 34. Размышления о прошлом	647